

Юрин Евгений Алексеевич

**СОЦИАЛЬНАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ШАХТЕРСКИХ СООБЩЕСТВ
В ПРОЦЕССЕ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ
УГОЛЬНОЙ ОТРАСЛИ**

**22.00.04 – социальная структура, социальные институты и
процессы**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

Новочеркасск – 2005

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт)» на кафедре «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала)

Научный руководитель

кандидат социологических наук, профессор Кательников Владимир Дмитриевич

Официальные оппоненты:

доктор социологических наук, профессор Бурьянов Олег Викторович
доктор философских наук, профессор Радовель Михаил Рувимович

Ведущая организация

Донской государственный технический университет

Защита диссертации состоится «19» ноября 2005 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета К 212.304.01 по социологическим наукам при Южно-Российском государственном техническом университете (Новочеркасском политехническом институте) по адресу: 346500 г. Шахты Ростовской области, пл. Ленина, Шахтинский институт (филиал) ЮРГТУ (НПИ), ауд. 324.

С диссертацией можно ознакомиться в научно-технической библиотеке Южно-Российского государственного технического университета (НПИ) (г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132).

Автореферат разослан «19» октября 2005 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Щербакова Л.И.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В первой половине 1990-х годов общественная активность шахтеров была одним из основных социально-политических факторов общенационального уровня. Подземные шахтерские забастовки, массовые акции протеста, «рельсовая война» находились в центре внимания средств массовой информации и привлекали повышенное внимание исследователей.

Шахтерское сообщество проявило себя одной из наиболее организованных профессиональных групп в модернизирующемся российском обществе, способной проявить себя как общественно-политическая сила. Феномен этот изучался не только социологами, но и политологами, психологами, экономистами. Однако по прошествии всего нескольких лет социальная активность шахтеров пошла на убыль, общественный интерес к ним спал, исследования ученых переместились в более актуальные зоны социальных динамик. Парадокс состоял в том, что самое необычное в содержании социально-организационного развития этой профессиональной группы к тому времени только начало возникать. Сообщество сокращалось численно, менялся социальный статус работников, шахты из градообразующих отраслей переместились в разряд обычных производств многоотраслевых поселенческих комплексов. Эти процессы влияли на самоорганизацию, социальную идентичность, модели социальной адаптации шахтеров. Результаты происходящих изменений, тем не менее, в целостном виде не исследовались, а наличное состояние шахтерского сообщества, менявшегося на глазах, объяснялось негативным влиянием «процессов реструктуризации».

Реструктуризация угольной отрасли была совершенно необходима, однако ее осуществление сопровождалось многочисленными ошибками и просчетами, которые привели к существенному ухудшению материального положения шахтеров, падению их социального престижа и статуса. Фактически результаты первого этапа реструктуризации можно трактовать как деконструкцию профессионального шахтерского сообщества. Меры государственного управ-

ления на втором этапе реструктуризации позволили несколько смягчить ситуацию и избежать катастрофических социальных последствий, но не смогли полностью исправить положение. Поэтому осмысление произошедших в угольной отрасли перемен и поиск дальнейших путей адекватного воздействия на ситуацию остаются весьма актуальными исследовательскими и практическими проблемами.

Необходимо систематически изучить и обобщить опыт применения различных стратегий адаптации к неблагоприятным воздействиям, формирования нового типа коллективной идентичности шахтеров, описать и исследовать структуру современного шахтерского сообщества. Требуются рекомендации по индивидуальной и коллективной адаптации шахтеров, программы развития депрессивных угольных территорий.

Степень разработанности проблемы. Проблемы российского рабочего движения 1990-х годов изучаются в работах Л.Гордона и Э.Клопова (фундаментальный обзор и анализ), Г.Дилигенского (формирование нового сознания), В.Комаровского (социальное партнерство), Ю.Денисовой (трудовые перегрузки), В.Патрушева, А.Темницкого (трудовая мотивация, ценности труда, ориентации рабочих), Л.Щербаковой (социальное самочувствие наемных работников), К.Клеман (неформальные практики российских рабочих)¹.

¹ Гордон Л. Реструктуризация угольной промышленности и социальное положение шахтеров // Человек и труд. 1997. №10. С.25-27; №11. С.64-66; Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых: историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 1. Меняющаяся страна в меняющемся мире: предпосылки перемен в условиях труда и уровня жизни. М., 2000. Т. 2. Меняющаяся жизнь в меняющемся мире: занятость, заработки, потребление. М., 2001; Дилигенский Г.Г. Российский гражданин конца девяностых: генезис постсоветского сознания. М., 1998; Комаровский В. Становление системы социального партнерства как социального института // Социальное партнерство в переходном обществе. М., 1999; Денисова Ю.С. Трудовые перегрузки как тенденция в рабочем процессе // Социологические исследования. 2004. №5; Патрушев В.Д., Темницкий А.Л. Реальное поведение рабочих промышленности в сфере труда в период перехода к рыночным отношениям. М., 1995; Щербакова Л.И. Социальное самочувствие работни-

Проблематика шахтерского протестного движения исследуется в работах Л.Гордона, П.Бизюкова, В.Борисова, И.Киселевой, С.Климовой, К.Кравченко, Б.Максимова, А.Олейника². Положение шахтеров и связанные с ним социальные показатели многие годы изучают В.Чуланов, О.Бурьянов, А.Астахов, О.Голодец³.

Большой массив публикаций по проблемам российской угольной отрасли принадлежит ее руководящим работникам, среди которых Б.Братченко, В.Зайденварг, Ю.Малышев, В.Некрасов, В.Попов, А.Рожков, А.Саламатин, Л.Тропко, А.Яновский и другие⁴. Проблемы профсоюзного движения и шахтерского само-

ков наемного труда в современных условиях. Автореферат диссертации ... к.с.н. Ростов-на-Дону, 1995; Клеман К. Неформальные практики российских рабочих // Социологические исследования. 2003. №5.

² Гордон Л.А., Груздева Е.Б., Комаровский В.В. Шахтеры - 92: социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в постсоциалистической России. М., 1993; Бизюков П.В. Подземная шахтерская забастовка (1994-1995) // Социологические исследования. 1995. №10. С.44-53; Борисов В.А. Наблюдение изнутри, или Репортаж социолога о забастовках горняков // ЭКО. 1996. №7. С.121-129; Киселева И.П. Чего же все-таки хотят шахтеры? // Социологические исследования. 1992. №3; Климова С.Г. Стратегии сторон трудовых конфликтов // Общественные науки и современность. 1997. №2; Кравченко К.А. Шахтерские забастовки: проблемы исследования // Социологические исследования. 1995. №10; Максимов Б.И. Рабочие в период реформ: положение, ориентации, коллективистские действия // Мир России. 2002. №3; Олейник А.Н. Есть ли перспектива у социальных движений в России: анализ развития шахтерского движения, 1989-1995 (по данным социологических исследований) // Политические исследования. 1996. №3

³ Чуланов В.А., Бурьянов О.В. Реформы и социальная позиция шахтеров. Шахты, 1996; Астахов А. Проблемы реструктуризации угольной промышленности России // Вопросы экономики. 1997. №6. С.67-82; Голодец О. Социальные парадоксы реструктуризации // Человек и труд. 1998. №8.

⁴ Зайденварг В., Ковальчук А., Сараев В., Золотарев В., Чудинов А. Реинжиниринг экономики угледобывающих городов. Социальный аспект структурных преобразований // Человек и труд. 1998. №5. С.32-36; Малышев Ю.Н. Останавливаться нельзя... // Уголь. 1998. №1; Некрасов В.В. О ходе реструктуризации угольной промышленности России // Уголь. 2002. №3; Попов В.Н. Социальные последствия первого этапа

управления рассматриваются в работах В.Будько, В. Кательникова, И.Мохначука, А.Черни и других⁵.

Вопросам государственного регулирования депрессивных территорий посвящены работы В.Лексина, А.Швецова⁶. Проблемы адаптации работников российских предприятий изучают А.Готлиб (социально-экономические аспекты), Е.Балабанова (гендерные особенности, социальный паразитизм и зависимость), М.Шабанова (добровольные и вынужденные адаптации), Л.Корель (социология адаптаций), Е.Бабосов (социоструктурные аспекты), Л.Беляева (выживание и преуспевание), С.Рошин и К.Маркова (способы поиска работы и их эффективность)⁷. Проблемам бедности и соци-

реструктуризации угольной промышленности России // Уголь. 1998. №8; Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах при структурной перестройке угольной промышленности России. М., 1998; Саламатин А.Г. Проблемные вопросы реструктуризации угольной промышленности России // Уголь. 1999. №5; Тропко Л.А. Угольная промышленность России на пути реформ. М., 1997; Яновский А.Б. Об итогах реструктуризации угольной промышленности и первоочередных задачах по развитию отрасли // Уголь. 2002. №1.

⁵ Будько В. Хроника борьбы за права угольщиков: (Деятельность Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности) // Профсоюзы и экономика. 1996. №3; Кательников В.Д. Уголь и шахтеры в государстве Российском (экономические аспекты). – М., 2004; Мохначук И.И., Грунь В.Д. К вопросу о социальной ответственности ведения угольного бизнеса на углепромышленных территориях // Уголь. 2003. №11.

⁶ Лексин В.Н., Швецов А.Н. Новые проблемы российских городов. Муниципализация социальных объектов: правовые и финансовые решения. М., 1999.

⁷ Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности-неуспешности // Социологические исследования. 2001. №7; Балабанова Е.С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // Социологические исследования. 2002. №11; Шабанова М.А. Добровольные и вынужденные адаптации // Свободная мысль. 1998. №1; Корель Л.В. Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск, 1997; Бабосов Е. Адаптация индивидов и социальных групп к трансформационным процессам постсоветского общества // Общество и экономика. 1999. №9-10.; Беляева Л.А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социологические исследования. 2001. №6; Рошин С., Маркова К. Поиск работы: способы и их

альной эксклюзии посвящены работы П.Абрахамсона (обзор и анализ зарубежных подходов), Н.Тихоновой (российская специфика социальной эксклюзии), Н.Римашевской (бедность и маргинализация населения), Н.Давыдовой (депривационный подход к оценке бедности), М.Удальцовой (социально-трудовые ожидания безработных), М.Сороки (социальная адаптация безработных)⁸.

Изучению моделей социальной идентификации посвящены работы Е.Даниловой, С.Климовой, Т.Козловой, Н.Тихоновой и ряда других исследователей.

Все указанные работы образуют основу диссертационного исследования, однако избранная тема нуждается в дальнейшем обобщении, анализе и интерпретации.

Цель диссертационной работы – изучение социальных последствий реструктуризации российской угольной отрасли.

Задачи диссертационного исследования:

- 1) показать социальную и экономическую обусловленность реструктуризации угольной промышленности России в начале 1990-х годов;
- 2) исследовать спад престижа шахтерской профессии и изменение социального статуса шахтеров в реструктуризационный период;
- 3) обосновать социальную деконструкцию профессиональных шахтерских сообществ в ходе перестройки угольной промышленности;
- 4) изучить модели адаптации и особенности социального поведения шахтеров в кризисных социально-экономических условиях;

эффективность // Человек и труд. 2003. №12.

⁸ Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. №2; Тихонова Н.В. Социальная эксклюзия в российском обществе // Общественные науки и современность. 2002. №6; Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. №4; Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. 2003. №6; Удальцова М.В., Волковская Н.М., Плюснина Л.К. Социально-трудовые ожидания незанятых людей и их отношение к самостоятельной занятости // Социологические исследования. 2003. №7; Сорока М.В. Современные российские безработные: проблемы социальной адаптации. Автореферат диссертации ... к.с.н. Ростов-на-Дону, 1997.

5) проанализировать формирование социальной идентичности шахтеров в период институциональных преобразований;

6) предоставить социографию профессионального сообщества шахтеров в постреструктуризационный период.

Объектом исследования в работе выступают российские шахтеры.

Предмет исследования: изучение социальной деконструкции профессиональных шахтерских сообществ.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что изменения в обществе в целом и непосредственно в процессе реструктуризации угольной промышленности приводят к закреплению угнетенного, положения российских шахтеров, их маргинализации и вытеснению на «периферию» социума.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- выявлены социальные и экономические условия реструктуризации угольной промышленности России;
- доказано падение социального статуса и престижа шахтерской профессии по принципу положительной (усиливающей) обратной связи;
- обоснована социальная деконструкция профессиональных шахтерских сообществ как результат организационно-структурных изменений и нанесенной реструктуризацией культурной травмы;
- выявлен характер социальной идентичности шахтеров в период институциональных преобразований, сформулированы ее особенности;
- определена социальная структура шахтерского сообщества в постреструктуризационный период.

Новизна постановки проблемы и полученные при ее изучении результаты отражены в основных тезисах работы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Реструктуризация российской угольной отрасли была обусловлена экономическими причинами: техническим отставанием предприятий, устаревшей структурой цен, снижением производительности труда, необходимостью адаптации к рыночным механизмам. Социальным последствием ее первых этапов стало резкое ухудшение положения шахтеров, вызвавшее рост напряженности и мощную протестную активность, в том числе с выдвиганием соци-

ально-политических требований. Одновременно структурно-организационные изменения, рост шахтерских профсоюзов и становление системы социального партнерства создавали условия для цивилизованной перестройки отрасли.

2. Результаты социальной программы реструктуризации были двойственными. Несмотря на значительные усилия и определенные успехи, социальный статус и престиж шахтеров снизился в абсолютном и относительном выражении по сравнению с советским периодом и в сравнении с положением ряда промышленных рабочих в постсоветской России. Абсолютная и относительная депривация шахтеров имела тенденцию к росту по принципу положительной (усиливающей) обратной связи.

3. Реструктуризация угольной промышленности стала фактором культурной травмы, повлиявшей на социальную деконструкцию профессиональной группы шахтеров. Меры по социальной защите смягчили негативные последствия реструктуризации и задействовали механизмы выхода из проблемной ситуации, однако не позволили избежать деконструкции шахтерских сообществ, разрушения сложившейся в них системы самоорганизации.

4. Индивидуальные способы адаптации шахтеров целесообразно классифицировать по парам признаков: активные-пассивные, формальные-неформальные, консервативные-инновативные, добровольные-вынужденные, позитивные-негативные, патерналистские-партнерские. Исследование показало, что наиболее эффективными являются комбинированные стратегии адаптации с акцентом на активно-инновативные способы социальных действий.

5. Сформированная в период институциональных преобразований социальная идентичность российских шахтеров носит «травматический» характер и отличается такими чертами, как маргинальность, подавленность, растерянность, озлобленность, изолированность, иррациональность.

6. Нынешнее состояние профессионального сообщества шахтеров определяется способностью постепенно адаптироваться к нанесенной реструктуризацией культурной травме. Успешная адаптация возможна на пути нахождения профессиональной ниши или использования самозанятости, в том числе с государственной под-

держкой. Безуспешная адаптация ведет к бедности, постепенно переходящей в социальную эксклюзию.

Теоретико-методологической основой исследования стали системный и структурно-функциональный подходы, принципы историзма и социального детерминизма. В качестве основных методов исследования применялись теоретико-методологический и логико-исторический анализ; теоретические разработки П. Штомпки, Р. Мертона, М. Кастельса.

Эмпирической базой исследования послужил ряд теоретических построений фундаментальной социологии. Они использованы для описания и анализа социальной динамики российской угольной отрасли. В 1990-е годы накоплен большой объем эмпирического материала о поведении и изменениях в сознании шахтеров. В работе обобщены и интерпретированы данные российских исследователей, результаты авторских исследований на шахтах Восточного Донбасса.

Практическая значимость исследования предопределена тем, что полученные в работе выводы и рекомендации могут быть использованы в практике управления отдельными предприятиями и угольной отраслью в целом, в деятельности муниципальных образований на шахтерских территориях. Материалы могут использоваться в учебном процессе при чтении курсов по социологии, социологии труда и социологии конфликта.

Апробация работы. Результаты исследования докладывались и обсуждались на двух научных и трех научно-практических конференциях, опубликованы в монографии и двух брошюрах общим объемом 9 п.л.

Структура диссертации включает: введение, две главы, состоящие из шести параграфов, заключение и список литературы из 174 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, характеризуется степень разработанности проблемы, определяются цели и задачи диссертационного исследования, описываются науч-

ная новизна и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе диссертации изучаются «Обусловленность и характер изменений в профессиональной группе шахтеров в период реструктуризации угольной промышленности». В первом параграфе главы выявляется «Социальная и экономическая обусловленность реструктуризации угольной промышленности». К концу 1980-х годов состояние российской угольной отрасли настоятельно требовало качественных изменений и в экономической, и в социальной сфере. Сложившаяся в отрасли на тот момент ситуация должна быть охарактеризована как кризисная.

Техническое состояние угольных предприятий в большинстве своем совершенно не соответствовало современным требованиям. Основные фонды были изношены, выпускаемое советскими заводами новое оборудование значительно отставало по своим технико-экономическим показателям от зарубежных аналогов. Техническая реконструкция требовалась не менее чем на половине действующих шахт. Это вело не только к ухудшению отраслевых показателей и снижению производительности труда, но и к производственному травматизму. Доля угля в топливно-энергетическом балансе страны сократилась с 66,1% в 1950 году до 20,9% в 1990 году. В связи с распадом СССР Россия лишилась значительной части своих угольных предприятий. Когда в начале 1990-х годов цены на угольную продукцию были отпущены, они стали стремительно расти, увеличивая хозяйственные диспропорции и порождая инфляцию. Несистемный подход к реформированию экономики неизбежно повлек за собой негативные социально-экономические последствия. Советская стратегия развития угольной промышленности носила преимущественно экстенсивный характер. Высокие цены на нефть и относительно низкие зарплаты шахтеров позволяли продолжать эксплуатацию старых месторождений, не задумываясь о необходимости переноса работ на более выгодные разрезы и шахты. В результате численность угольщиков увеличивалась, а производительность шахтерского труда оставалась довольно низкой. В 1993 году выделяемые угольной промышленности государственной дотации превысили 1% валового внутреннего продукта и

3% всех доходов консолидированного бюджета. Разумеется, такая ситуация была нетерпимой и требовала перехода к новым экономическим отношениям в угольной отрасли в связи с общим изменением социально-экономической системы.

Тяжелое положение шахтеров привело в конце 1980-х – начале 1990-х годов к их небывалой протестной активности, вышедшей далеко за рамки угольной отрасли и ставшей одним из основных факторов общественного переустройства России. Характерной чертой шахтерских забастовок в Кузбассе и на других территориях в 1989-1991 годах было формулирование требований, выходящих за рамки локального шахтерского сообщества и по пространственному масштабу, и по охвату социетальных сфер. Взяв на себя роль авангарда рабочего класса, шахтеры требовали изменений в экономике, социальной сфере, политике по всей стране.

Неподготовленность советских административных структур к решению проблем рабочего класса в новых условиях создавала благоприятные условия для политизации рабочего движения и манипуляции им со стороны сомнительных политических субъектов. Как показывает анализ произошедших событий, вовлеченные в шахтерские конфликты лица преимущественно способствовали их эскалации, преследуя собственные интересы. Отсутствие отработанных, стандартных механизмов разрешения локальных конфликтов приводит к их глобализации и политизации, облегчает задачу манипуляторов, преследующих собственные эгоистические цели.

Наряду с негативными условиями, настоятельно требовавшими преобразований в угольной отрасли, в начале 1990-х годов имелись и благоприятные предпосылки ее реформирования. К числу таких предпосылок следует отнести рост профсоюзного движения и становление системы социального партнерства. В момент начала российских реформ профсоюзные деятели оказались перед выбором между трансформацией своих формальных структур по пути настоящего профсоюзного движения или окончательного слияния с администрацией и превращения в специфическое подразделение по решению социально-бытовых проблем. В угольной отрасли в силу особого накала и массовости протестного движения становление профсоюзов нового типа отличалось особым драматизмом. В июне

1990 года в Донецке состоялся I съезд шахтеров, в резолюции которого было записано: «Существующий профсоюз не способен решить поставленные задачи». На II съезде шахтеров в октябре 1990 года было провозглашено создание Независимого профсоюза горняков (НПГ), носившего существенно более политический характер, чем его предшественник. Постепенно и старые профсоюзы стали более активно отстаивать интересы своих членов, в том числе в политической области.

Дальнейшим развитием профсоюзного движения выступает концепция социального партнерства, в которой профсоюзы выступают одним из важнейших субъектов вместе с работодателями и государством.

Во втором параграфе первой главы диссертации анализируется «Спад престижа и изменение социального статуса шахтеров в реструктуризационный период». Хотя реструктуризация угольной отрасли в постсоветский период была абсолютно необходимым и неизбежным мероприятием, по самой своей сути она не могла не привести к снижению престижа и статуса шахтерской профессии. Закрытие шахт, увольнение рабочих, муниципализация ведомственных социальных объектов, разумеется, негативно сказались на положении шахтеров, а все действия по социальной защите, смягчению этих негативных явлений даже в идеальном варианте могли быть лишь «амортизатором», позволяющим избежать катастрофических последствий крупномасштабной перестройки. А поскольку в реальности социальная программа реструктуризации столкнулась с многочисленными непредвиденными препятствиями, ее амортизирующий эффект сказался далеко не в полной мере.

Институционализация неравенства шахтеров в ходе реструктуризации отвечает принципу положительной (усиливающей) обратной связи, согласно которому каждое продвижение вверх представителей верхних социальных слоев создает платформу для еще более интенсивной восходящей мобильности, а каждый шаг вниз на противоположном социальном полюсе еще сильнее подталкивает находящихся там людей в сторону социального дна. Положительная обратная связь проявляется как в действиях членов общества, все более уверенно отождествляющих себя с его «верхней» или «нижней» частью, так и в

действиях государства, дополнительно способствующих закреплению неравенства. Выбираемые индивидами способы социального действия по преимуществу детерминируются их близостью к тому или иному полюсу и дополнительно поощряются или, напротив, подавляются социальными институтами.

По уровню заработной платы в промышленности шахтеры переместились с первого места в 1985 году на третье в 1990 и седьмое – в 1997 году. Это «скатывание» в рейтинге средней заработной платы в промышленном производстве продолжается и поныне, при этом ухудшаются количество и качество предоставляемых шахтерам льгот. Показатели социальной защиты шахтеров также снизились по сравнению с предшествующим периодом, особенно в части помощи семьям, имеющим детей, возможности для повышения квалификации и переобучения. Между тем именно ведомственные льготы были существенным фактором благополучия шахтеров в советское время, позволяя успешно дополнить невысокую в абсолютном выражении зарплату.

Наряду с положительным эффектом разгосударствления, резко усилилась дифференциация в доходах рядовых работников и руководителей, что привело к возрастанию напряженности и потенциала конфронтации. Бросающийся в глаза символический контраст между полюсами становящегося российского социума вызывает острое неприятие шахтеров. Российский бизнес, становление которого проходило под сильным влиянием монетаристских установок и прямым давлением соответствующих экспертов, пока слабо воспринимает идеи социальной ответственности. Развитие социальной ответственности на угледобывающих предприятиях лишь начинается: ему препятствуют такие факторы, как неблагоприятная конъюнктура топливно-энергетического рынка, высокая вероятность смены собственника на угольных предприятиях, негативное влияние реструктуризации на социальную инфраструктуру, низкая трудовая мотивация шахтеров, сокращение потенциала социального партнерства.

Длительное ухудшение экономических условий жизни по принципу положительной обратной связи приводит к снижению социальных притязаний, потребностей и активности, в конечном счете может повлечь деградацию личности. Институциональное

неравенство закрепляется на уровне механизмов социализации, программируя жизненные траектории молодых членов общества.

Многомерная депривация шахтеров в результате реструктуризации обусловлена: снижением покупательной способности заработной платы по сравнению с советским периодом и нерегулярностью ее выплат; падением средней зарплаты шахтеров с первого места по промышленности ниже, чем на седьмое; лишением многочисленных ведомственных льгот и дотаций; неустойчивостью профессиональной позиции, постоянным риском сокращения, ростом безработицы; неблагоприятными результатами сравнения своего положения с положением руководителей предприятий; деградацией социальной инфраструктуры шахтерских поселений, ростом преступности, алкоголизма, наркомании и проституции.

Существует ряд факторов, способствующих закреплению социальной дискриминации шахтеров, дальнейшему снижению престижа и статуса шахтерской профессии. К числу этих факторов следует отнести: неравенство в профессиональной сфере; влияние глобализации; разрыв социальных связей; неадекватное распределение социальной помощи. Эти факторы частично обусловлены реструктуризацией, частично вытекают из более общих социальных изменений. К числу немногочисленных факторов, позволяющих разорвать петлю усиливающей обратной связи социальной эксклюзии, следует отнести возможность восходящей мобильности детей из бедных семей благодаря их личным качествам, позволяющим преодолеть депривацию. Способствует преодолению депривации и высокая корпоративная культура, интегрирующая работников с различным социальным статусом и имущественным положением.

В третьем параграфе первой главы работы изучается «Социальная деконструкция профессиональных шахтерских сообществ в ходе перестройки угольной промышленности». Итоги первого этапа реструктуризации угольной отрасли (1994-1997) оказались негативными, а в социальной сфере шахтерских регионов – просто катастрофическими. Попытки реструктуризации столкнулись с полной неготовностью шахтеров к качественным экономическим и социокультурным изменениям. Проведенные на втором этапе реструктуризации меры, безусловно, смягчили негативные последствия первого этапа реструктуризации и

позволили избежать крупномасштабных социальных конфликтов с участием угольщиков. Однако в целом, на наш взгляд, угольная отрасль так и не справилась с разрушениями, причиненными в первой половине 1990-х годов, что позволяет говорить о деконструкции профессиональных шахтерских сообществ.

Реструктуризация российской угольной отрасли, несомненно, имеет характер культурной травмы. Порождаемая ею травматическая последовательность может быть описана следующим образом.

Культурный капитал российских шахтеров советского периода характеризовался патернализмом, ориентацией на общественную собственность, высокой степенью социальной защищенности и уверенности в завтрашнем дне, надежным социальным статусом, солидной самооценкой и общественным престижем, представлениями о доминирующей роли рабочего класса и шахтеров как его передовой группы. Значения всех этих параметров в ходе реструктуризации были заменены на противоположные.

Реструктуризация обладает всеми характеристиками травматического события. Во-первых, она была проведена в исторически ничтожные сроки: если на Западе преобразования в угольной отрасли длились на протяжении нескольких десятилетий, то в России – всего несколько лет, причем основные события произошли за три-четыре года. Во-вторых, реструктуризация обладала огромным размахом: были ликвидированы десятки угледобывающих предприятий, сокращены десятки тысяч рабочих, произошло изменение формы собственности и методов управления, осуществлена передача ведомственной инфраструктуры в муниципальную собственность, ликвидировано множество шахтерских льгот и привилегий, преобразована структура занятости в шахтерских поселениях и целых регионах. В-третьих, реформа была навязана шахтерам: источниками преобразований было государство и правительство, не пользующиеся особым доверием и уважением в рабочей среде, а отчасти даже представители Всемирного банка и иных иностранных организаций, отчетливо воспринимающихся шахтерами как чуждые и враждебные силы. В-четвертых, шахтеры совершенно не ожидали столь резких и быстрых изменений, не были готовы к ним.

Культурная интерпретация происходящих в угольной отрасли перемен может быть описана в терминах шока, непонимания, рас-

терянности, отчаяния. Не слишком высокий образовательный уровень рабочей массы лишал шахтеров возможности поиска рациональной интерпретации происходящих событий.

На первом этапе реструктуризации преобладающим способом поведения была протестная активность, невиданный размах которой соответствовал силе травматического воздействия. Необычные перестроечные изменения вызвали необычную реакцию: если в советский период протестные акции в рабочей среде были исключительным, единичным явлением, то в начале 1990-х годов они охватили сотни тысяч шахтеров. При этом использовался широкий спектр протестных действий — от сидячей забастовки до «рельсовой войны» и перекрытия автомобильных магистралей.

Травма, несомненно, проявилась на демографическом уровне, имея своим следствием рост преступности, алкоголизма, наркомании, проституции, числа самоубийств. В социальной сфере произошли существенные изменения в системе иерархии от бывшего Минуглепрома СССР до отдельных предприятий, возникли новые схемы социальных отношений. На уровне культуры произошел кризис шахтерской идентичности, начался пересмотр ценностей трудовой мотивации, критериев жизненного успеха.

Причиной рассматриваемой культурной травмы следует считать изменение образа жизни шахтеров под влиянием общегосударственных социально-экономических реформ и отраслевых условий жизнедеятельности, несовместимых с прежними культурными представлениями.

Неоднородное восприятие перемен обусловлено гетерогенностью шахтерского сообщества. Наиболее уязвимыми оказались работники ликвидируемых предприятий, жители районов Крайнего Севера, обитатели монопрофильных шахтерских поселений, поставленные реформой перед необходимостью выживания. В более благоприятных условиях находились высококвалифицированные рабочие, занятые на успешных шахтах и разрезах, а также те категории шахтеров, которые сумели воспользоваться мерами социальной защиты.

Попытки совладания с травмой включали весь спектр теоретически возможных стратегий адаптации. Стратегия бунта включала протестную активность во всех ее формах, зачастую позволявших

улучшить положение бастующих. Инновационные стратегии включали попытки шахтеров найти новое место работы, пройти переобучение и переквалификацию, найти себя в различных формах самозанятости, включая предпринимательскую активность. Сюда же можно отнести рост профсоюзной и политической активности с последующим переходом соответствующих активистов на удобные позиции в структуре власти. Ритуалистская адаптация означает пассивное упование на помощь государства или руководства предприятий, привычное хождение на работу даже при мизерной зарплате или полном ее отсутствии. Значительная часть шахтеров ограничилась уходом от действительности в мир алкоголя и наркотиков, сползанием на социальное дно, превращением в нищих и бомжей. В этой связи реструктуризацию можно рассматривать как фактор стратификации и поляризации общества.

Дальнейшее развитие травматической последовательности реструктуризации угольной отрасли остается не вполне определенным. На настоящий момент можно констатировать социальную деконструкцию профессионального шахтерского сообщества, вызванную непродуманным проведением первого этапа реструктуризации. Вместе с тем, существует потенциал преодоления травмы, обусловленный более разумными действиями по социальной защите шахтеров на втором этапе преобразований и общим оживлением социально-экономической ситуации в стране.

Предметом второй главы работы является "Анализ особенностей социальной адаптации деструктурированных профессиональных групп шахтеров". В первом параграфе этой главы изучаются "Модели адаптации и особенности социального поведения шахтеров в кризисных социально-экономических условиях". В обычные, спокойные периоды развития общества подготовка его членов к общественной и трудовой жизни осуществляется посредством механизмов социализации, обеспечивающих социальную интеграцию. В кризисные периоды действие этих механизмов оказывается уже недостаточным. Качественное изменение социально-экономической обстановки требует адаптации, доходящей в предельных случаях до ресоциализации, то есть полной или частичной перестройки системы понятий, норм, ценностей, способов действия

индивидов или социальных групп. Успешная адаптация позволяет восстановить социальную интеграцию, ее отсутствие может привести к маргинализации, социальной эксклюзии и даже полному опусканию на социальное дно.

Социальные адаптации целесообразно подразделить на индивидуальные и коллективные. Применительно к шахтерскому движению естественно выделить две основные формы коллективных социальных действий адаптационного характера: протестную активность и социальное партнерство.

На рубеже 1980-1990-х годов шахтерские забастовки приобрели невиданный доселе размах, став одним из основных факторов изменения всего общественного устройства страны. Анализ протестного движения с точки зрения конфликтологической парадигмы позволяет выделить следующих участников конфликта: работников шахты; руководство предприятия; представителей профсоюза; политические партии и движения; различных «третьих лиц», принимающих то или иное участие в развитии конфликта (журналисты, эксперты, сотрудники силовых органов, криминальные группы и т.д.).

Интересы различных участников конфликта в принципе не могут полностью совпадать в стратегической перспективе, но на различных этапах развития конфликтной ситуации возможно их частичное согласование, что открывает путь для создания тактических коалиций и реализации совместных компромиссных стратегий. Работники и работодатели могут предъявлять совместные требования к властям; профсоюзы защищают не только интересы работников, но зачастую становятся на сторону руководства предприятия; политики и журналисты стремятся увеличить свой политический капитал, не задумываясь о том, что их действия способствуют эскалации конфликта; все участники конфликта стараются заручиться поддержкой авторитетных в обществе людей для повышения легитимности своих действий и т.п.

Другой, более мягкой формой коллективной адаптации шахтеров в 1990-х годах было развитие профсоюзного движения и становление системы социального партнерства в угольной отрасли. Развитие российских профсоюзов и неразрывно связанной с ними системы коллективного партнерства определяется противоречивыми тенденциями. С

одной стороны, существуют объективные условия ее усиления, определяемые развитой индустриальной структурой и притягательной ролью западных образцов. С другой стороны, традиции российского патернализма препятствуют развитию социального партнерства, доходя подчас до грубых экстремистских форм.

В целом можно констатировать, что ни протестная активность, ни развитие социального партнерства как формы коллективной социальной адаптации профессионального шахтерского сообщества до настоящего времени не достигли полной зрелости, хотя качественно выросли по сравнению с советским периодом. Это можно объяснить следующими причинами. Во-первых, большую роль в российском обществе всегда играл и продолжает играть патернализм. В соответствии с этой системой ценностей, многие рабочие предпочитают уповать на благосклонность руководства предприятий или помощь государства, нежели на собственные солидарные действия. Руководство профсоюзов также зачастую становится не на сторону представляемого трудового коллектива, а на сторону директора, стремясь получить какую-то выгоду или объединиться в целях петиции перед государственными органами. Сугубо российским явлением стали так называемые «директорские» забастовки, при организации которых руководство предприятия апеллирует к рабочему авторитету для получения всевозможных льгот и дотаций. Опросы показали, что доля хозяйственных руководителей, одобряющих забастовки и лично готовых участвовать в них, принципиально не отличается от доли думающих так же рабочих – 15% и 20-25% соответственно. Во-вторых, атаке с противоположной стороны протестное движение и социальное партнерство подвергаются со стороны индивидуалистически настроенных рабочих, которых также немало. Как правило, в качестве индивидуалистов выступают высококвалифицированные профессионалы, уверенные в своих силах и не желающие растворяться в толпе протестующих. В-третьих, традиции солидарной деятельности были сильно подточены реальной атомистической природой советского общества при всех формальных лозунгах создания «новой общности советских людей». Если даже на мысленном уровне понятие о солидарности существовало, оно не воплощалось в действия в условиях тотали-

таризма. В сфере трудовых отношений солидарные действия, тем более протестного характера, были крайне редки и жестоко подавлялись властью. Даже среди шахтеров, оказавшихся способными в начале 1990-х годов к многотысячным протестным акциям, солидарность не распространилась повсеместно. В-четвертых, в процессе становления нового российского общества многие активисты рабочего и профсоюзного движения, в том числе шахтерского, сумели конвертировать накопленный символический капитал в политическую и экономическую форму, заняв выгодные позиции в выборных органах, правительственных и коммерческих организациях. Тем самым шахтерская организация лишилась способных вожakov и утратила значительную часть своего потенциала.

Индивидуальные адаптации целесообразно классифицировать по следующим парам дихотомических признаков: активные – пассивные; формальные – неформальные; консервативные – инновативные; добровольные – вынужденные; позитивные – негативные; патерналистские – партнерские.

Активная адаптация подразумевает, что индивид предпринимает некоторые самостоятельные целенаправленные действия для улучшения своего положения. Пассивная адаптация заключается в ожидании этого улучшения благодаря действиям родственников или государства. Формальная адаптация предполагает обращение ищущего работу индивида в официальные (государственные или частные) службы занятости, неформальная – использование разнообразных иных способов (социальные и родственные связи, СМИ и т.д.). Консервативная адаптация подразумевает использование привычных, традиционных способов действия, в то время как инновативная – поиск индивидом новых, ранее не испытанных форм и способов. Добровольные адаптации применяются индивидами, которых устраивают происходящие перемены, и они стремятся использовать их с наибольшей выгодой для себя. Вынужденной адаптации подвергаются люди, перед которыми встает угроза бедности или даже полной утраты средств к существованию. Позитивная адаптация означает, что в ее результате индивид улучшает свое положение по сравнению с доадаптационным периодом, в то время как при негативной адаптации положение адаптанта, напротив,

ухудшается. При патерналистской адаптации индивид возлагает надежды на личные отношения с руководством предприятия, а при партнерской – на безличную, контрактную форму отношений. Разумеется, в реальной практике чаще применяются не чистые, а комбинированные стратегии адаптации, включающие в себя черты нескольких из вышеназванных групп.

Большое значение имеет анализ факторов успешной адаптации. К числу общих позитивных факторов следует отнести уровень образования, работу на процветающем предприятии, наличие разветвленных социальных связей, готовность к активным действиям. Соответственно, препятствующими успешной адаптации факторами выступают низкий уровень образования и квалификации, банкротство предприятий, изолированность индивида в обществе, плохое здоровье, пассивность и иждивенческие настроения, пожилой возраст, принадлежность к доминируемым по тому или иному признаку социальным меньшинствам.

Во втором параграфе второй главы работы исследуется "Формирование социальной идентичности шахтеров в период институциональных преобразований". Формирование социальной идентичности при переходе от социализма к капитализму естественно описать, пользуясь предложенной Дж.Александром концепцией бинарных оппозиций⁹. Согласно Дж.Александру, социалистический дискурс отличается от капиталистического по следующим параметрам: 1) коллективизм – индивидуализм; 2) частное – общественное; 3) прошлое – будущее; 4) рок – человеческая активность; 5) свобода – последствия; 6) мифы – реализм; 7) эффективность – справедливость.

Шахтерская деятельность является коллективистской по самой своей сути. Шахтерская смена спускается в забой и действует как единое целое, ее члены помогают друг другу и зависят от действий товарищей. Коллективный характер шахтерского труда нашел отражение и в солидарных действиях угольщиков 1990-х годов, гораздо более интенсивных и массовых, чем в других отраслях промышленности. Поэтому

⁹ Alexander J.C. Civil society I,II,III: Constructing an Empirical Concept from Normative Controversies and Historical Transformations // Alexander J.C. (ed.) Real Civil Societies. L., 1998. P.1-19.

ориентация на независимые индивидуальные действия находит поддержку лишь у небольшой части высококвалифицированных угольщиков. Недоверие к государству и различным центрам власти также по-прежнему разделяют многие шахтеры. В частности, это выразилось в призывах недоверия к действиям Президента РФ Б.Ельцина, которого шахтеры считали «предателем», забывшим их помощь на рубеже 1980-1990-х годов. Уход в частную жизнь сказывается в высокой ценности семьи, подтверждаемой социологическими исследованиями. Отказ от коммунальных платежей и уплаты налогов, появление «несунов» среди шахтеров – также проявления доминирования частного над официальным. Совершенно естественны в шахтерской среде ностальгические настроения, фиксирующие память на временах, когда советские шахтеры пользовались целым рядом материальных, престижных и статусных привилегий, а система их ценностей не входила в противоречие с жизненными реалиями. Будущее видится большинству шахтеров мрачным, они не ожидают улучшения своего пошатнувшегося положения. Весьма распространены в шахтерской среде и мифы. Типичная мифическая фигура советского периода – легендарный передовик Алексей Стаханов, чье имя стало нарицательным. Мифологическую природу имеет восприятие личностей И.В.Сталина (победа в войне, порядок и дисциплина), Л.И.Брежнев (стабильность, спокойствие, относительное благополучие). В постсоветский период негативной мифологизации подверглись фигуры Б.Ельцина, Е.Гайдара, А.Чубайса, вредоносных экспертов Всемирного банка и т.п. Пассивность и упование на благоприятное течение событий по-прежнему характерны для шахтеров. Лишь небольшая их часть склонна активно искать новую работу, пытаться открыть собственное дело, изменить к лучшему жизненную ситуацию посредством активных самостоятельных действий. В то же время, мотив «свободы от» ярко проявился в ходе массовой протестной активности шахтеров, выдвижения многочисленных политических требований. Требование эффективности выражается в ориентации шахтерского мышления на получении конкретных материальных результатов, в первую очередь повышения и своевременной выплаты заработной платы, улучшении условий труда, принятии мер по социальной защите. Ради достижения этих конкретных целей шахтеры зачастую нарушали интересы других людей, перекрывая автомобильные и железнодорожные

магистрали. Действие указанных бинарных оппозиций иллюстрируется в тексте работы на материалах различных социологических исследований ценностей и оснований идентификации российских граждан в 1990-е – 2000-е годы.

Анализ имеющихся результатов исследований позволяет говорить о формировании в переходном российском обществе особой «травматической» идентичности шахтеров. Характерными чертами этой переходной идентичности являются: маргинальность; подавленность, растерянность; озлобленность; изолированность, замкнутость; иррациональность.

Маргинальный характер шахтерской идентичности обусловлен утратой имущественных, статусных и престижных позиций, занимаемых шахтерами в советском обществе. Вместе с тем, не определилось полностью и новое положение шахтеров как результат реструктуризации. Можно говорить о существенной дифференциации профессиональной группы, выделяя в ее составе ряд подгрупп. Часть шахтеров сравнительно успешно решила свои проблемы, будучи работниками рентабельных предприятий или получив адекватные средства по линии социальной защиты. Другим удалось найти новую работу или открыть собственный бизнес. Большая часть работников угольной промышленности кое-как сводит концы с концами, получая низкую зарплату или испытывая перерывы в ее выплатах. Наконец, те, кому повезло меньше всех, стали нищими или бомжами, алкоголиками и наркоманами. Поэтому профессиональная группа шахтеров в целом занимает промежуточное, «межеумочное» положение между несколькими социальными группами и слоями, что и означает маргинальность. Поскольку большинство шахтеров находится в трудном экономическом положении и значительно ухудшило его по сравнению с предыдущим периодом, то шахтерской идентичности свойственна подавленность и растерянность. Они не ожидали столь резкого ухудшения своего положения, не могут найти ему рационального объяснения и не видят надежного пути выхода из сложившейся ситуации. Отсюда пассивность, отказ от попыток самозанятости, подспудное упование на решение проблем где-то и кем-то извне и сверху. В то же время, растущая поляризация доходов и дифференциация образа жизни российских граждан добавляет к характеристике шахтерской идентичности черты озлобленности, возмуще-

ния по отношению к нуворишам, сделавшим свои состояния, в том числе за счет шахтеров. Особенно сильно эти настроения проявляются по отношению к собственному руководству, чьи неблагоприятные поступки бывают известны, но остаются безнаказанными. Эта черта идентичности очень опасна, поскольку создает питательную почву для экстремизма, ксенофобии, насилия. Характерной реакцией на травматические изменения является формирование изолированности и замкнутости, твердой ориентации на семью и узкий круг друзей и близких, с помощью которых индивид надеется справиться с трудностями и лишениями. Усиление примордиальных ценностей также служит неотъемлемой характеристикой переходных обществ.

Наконец, переходной шахтерской идентичности свойственна иррациональность, мифологизация социально-политического процесса и его видных субъектов, вера в различного рода экстрасенсов, прорицателей, целителей, создателей «пирамид» и прочих характерных для «смутного времени» фигур. Благоприятной чертой для развития иррациональности выступает не слишком высокий уровень образования рабочих.

Предметом **третьего параграфа** второй главы диссертации является "Социография профессионального сообщества шахтеров в постреструктуризационный период". Нынешнее состояние шахтерского сообщества определяется тем, насколько успешно его членам удалось адаптироваться к культурной травме, вызванной реструктуризацией угольной отрасли. Результаты адаптации определяют структуру профессионального сообщества шахтеров и основные черты ее компонентов.

В нашем подходе к социографии профессионального шахтерского сообщества используются два критерия классификации: направление и эффективность адаптационного выбора (таблица 1).

Таблица 1

Структура шахтерского сообщества по результатам адаптации

	Успешно	Безуспешно
Сохранили профессию	Тип I: работники рентабельных предприятий	Тип III: работники убыточных предприятий, получающие низкую

		зарплату, в том числе с задержками
Сменили профессию	Тип II: нашедшие себя в самозанятости и собственном бизнесе, в том числе удачливые реципиенты социальной защиты	Тип IV: безработные, подверженные социальной эксклюзии

К собственно профессиональному сообществу относятся те работники угольной отрасли, которые в ходе реструктуризации сохранили свою профессию. К типу I относятся успешные адаптанты: как правило, это работники рентабельных предприятий, имеющие регулярные и достаточно высокие заработки (на некоторых предприятиях отрасли порядка 20-25 тысяч рублей). Сюда же можно отнести высококвалифицированных работников менее успешных предприятий, чья незаменимость позволяет требовать высокой по сравнению с остальными оплаты труда.

К наиболее многочисленному типу III относятся работники убыточных предприятий, получающие низкую зарплату, причем зачастую с задержками. Эти люди в большинстве случаев находятся на границе бедности или уже переступили ее.

К типу II нами отнесены те шахтеры, которые сумели на основе собственных ресурсов или с помощью государственной поддержки по линии программ социальной защиты и развития муниципальных образований найти свое место в различных формах самозанятости, в том числе путем открытия собственного дела.

К типу IV относятся наиболее пострадавшие в ходе реструктуризации шахтеры, потерявшие работы и не нашедшие никакой благоприятной альтернативы. Участь этих людей – социальная эксклюзия и постепенный переход на социальное дно.

Заключение к работе суммирует ее результаты и намечает перспективы дальнейших исследований.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Юрин Е.А. Модели адаптации и особенности социального поведения шахтеров в кризисных социально-экономических условиях. – Шахты: Полиграфист, 2004. – 23 с. (0,75 п.л.)
2. Юрин Е.А. Формирование социальной идентичности шахтеров в период институциональных преобразований. – Шахты: Полиграфист, 2005. – 19 с. (0,75 п.л.).
3. Кательников В.Д., Юрин Е.А. Социальная реконструкция сообществ в процессе закрытия шахт / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т. – Новочеркасск: ЮРГТУ, 2005. – 124 с. (7,5 п.л.)

Сдано в набор 18.10.2005 г. Подписано в печать 18.10.2005 г.

Формат 70х108/32. Объем 1,75 п. л. Бум. офсет.

Заказ № 1102. Тираж 90 экз.

ЗАО «Полиграфист», г. Шахты, пер. Красный шахтер, 68.

№ 20454

РНБ Русский фонд

2006-4

22370